

2 2006
АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

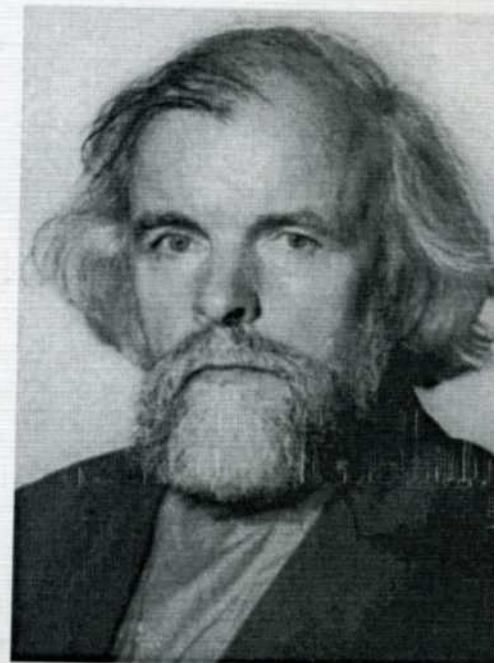
**Д. М. Балашов:
историческая
память**

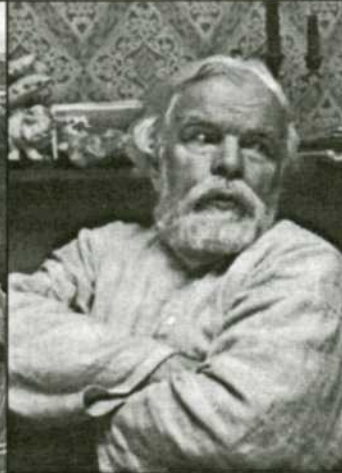
НАУКА

И

БИЗНЕС

НА МУРМАНЕ

◀ Верхний ряд фото на стр. 46:
Хор села Варзуга, Д. М. Балашов,
Обряд поморской свадьбы. п. Умба

◀ Большое фото:
Успенская церковь в Варзуге

Зачем-то Балашову был нужен фольклор

В. И. Поветкин

Дмитрий Михайлович Балашов — выдающийся писатель-романист, историк, филолог и театровед, яркий, горячий публицист и, как выяснилось уже после его гибели, он даже поэт, и даже художник. При этом, а точнее, во всём этом он был еще и превосходным фольклористом. Таковому его качеству, на наш взгляд, принципиально важному, отнюдь не все читатели и почитатели Балашова и, как ни странно, даже не все приверженцы пера придают должное значение.

Между тем в огромном списке его публикаций такие значительные труды по фольклору, как: «Народные баллады» (1963); «История развития жанра русской баллады» (1966); в соавторстве с Ю. Е. Красовской — «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» (1969); «Сказки Терского берега Белого моря» (1970); в сборнике «Народный театр» убедительная по своим выводам статья — «Драма и обрядовое действие» (1974); «Русские народные баллады» (1983). В 1985 году совместно с музыковедом Ю. И. Марченко и этнографом Н. И. Калмыковой по материалам Тарногского района Вологодской области был создан оформленный четырьмя звучащими пластинками рос-

кошный том — «Русская свадьба». В 1991 году в записи и обработке Балашова вышла нарядно украшенная детская книжка сказок Терского берега — «Птичка — железный нос, деревянный хвост». Кроме того, блестяще написанные им в 1950—1980 годах научно-исследовательские статьи о ранних героях русского эпоса поныне не устарели и могут быть вновь опубликованы, но уже не разрозненно, а отдельной книгой. Огромной заслугой Балашова является не только вдумчивая собирательская работа, но, что не менее ценно, благодаря его всепобеждающей настойчивости увидели свет пластинки с экспедиционными записями былин, баллад, свадебных песен Русского Севера. В 2001 году в фундаментальной серии «Свода русского фольклора» вышли первый и второй тома двадцатипяти томного собрания былин — «Былины Печоры». В них Д. М. Балашов принял участие не только как собиратель, записавший голоса последних русских сказителей, но и как славный соавтор большой вступительной статьи «Русский былинный эпос». К сожалению, Балашову не суждено было увидеть этот труд опубликованным. Но и не разболится, как бывало, его

Рисунок из книги «Птичка — железный нос, деревянный хвост»
Художник Н. Н. Ковалев
Мурманское книжное издательство, 1991

сердце по другому поводу: его статья 1974 года «Устарел ли Гомер?» оказалась востребованной издателями лишь в 2003 году, то есть почти через тридцать лет. То, о чём Балашов «кричал» тогда, нынче не выразишь, кажется, и воплем отчаяния. Его статья, посвященная высоким идеалам народной культуры, конечно же, не устарела и никогда не устареет, как не теряет смысла поэзия Гомера и как не изнашиваются на ветру времени древние обрядовые песни уважающих себя народов.

Балашов в своих трудах коснулся самых разных сторон традиционного быта простых русских людей. И всё это для чего-то ему было нужно. А может, и не только ему?

В самом деле: не наивно ли было с его стороны рассчитывать на внимание «огородившихся» в многоэтажках вчерашних деревенских людей к национальному фольклору, точнее, к народной мудрости, заложенной в песнях, обрядах, ремёслах и во всём способе обитания наших прадедов и прабабок на угодьях родной Матушки-земли?

Иногда в нынешнем городском человеке пробуждается память о его прошлом деревенском житье — с детскими играми, отроческими забавами и юношескими хороводами, с шумными свадьбами, приметам на каждый праздничный и будний день; с домашним

хозяйством, скотиной и огородом, с незагаженным лесом и чистым, не усеянным бутылочными осколками речным дном. И во всём том житье незримо уживались Бука, Домовой и Басенник, Кикиморы и Русалки, Леший и Водяной — всех не счесть. И тут же с окопелых досок покровительствовали тебе Никола Угодник и Параскева, Козьмодемьян и Пантелеймон, Егорий Храбрый и ещё целое воинство православных святых. Всё такое разное. И все уживалось под покровом мудрости простых селян, растивших хлеб и лён, понятно, не для одних себя. А над всем выселились песни — от колыбельных до надгробных причетов. Песни совсем не нынешние, другие, словно иным языком петье, и казалось подчас, будто поющий человек с лесом, полем, ручьём и звёздами перекликался. Так ведь и было.

Было, да и сейчас ещё встретишь в деревенском укладе нечто такое, что городскому жителю, как говорится, голыми руками не взять. Песню на ноты положишь, споешь — а она скособочилась, неузнаваема, будто в чужестранный наряд оболочилась. Вроде бы всё на селе просто: поют, как и говорят, а и говорят, как поют. И нам бы так. Ан нет: всяк спляшет, да не как скоморох.

Незабываемы произнесённые в 1984 году слова одного из очень тонких исследователей народной песни — Юрия Ивановича Марченко: «Чтобы научиться общению с деревенскими людьми, чтобы правильно записывать то, что они поют, надо хотя бы однажды побывать в экспедиции: вместе с Балашовым». Как точно! Не случайно, в конце 1990-х годов участницы хора из Усть-Цильмы, встретившись после сорокалетней разлуки с Дмитрием Михайловичем в Новгороде, плакали и обнимались с ним, как родные.

В ряду пособий различных авторов по собиранию фольклора балашовское «Как собирать фольклор», написанное в 1971 году простым, без ученой вычурности языком, — лучшее. Воспользовавшись им, — а это хоть и считанные страницы, но страницы золотые, — начинающий собиратель ощущал себя своим среди своих и не слыл в глазах селян анатомом-живорезом из столицы; он вдруг открывал свою потерянную Родину. Вот в чём сила и надобность зримо запечатленного слова!

Д. М. Балашов до конца жизни с глубоким почтением относился к своему учителю — известному фольклористу профессору Анне Михайловне Астаховой. Но, как и подобает, талантливый ученик пошёл дальше своего учителя. И не просто дальше. В те лихолетья, когда чиновники «от культуры» выступали с призывом «Нам не нужен фольклор, нам нужна самодеятельность», от академического исследователя требовалось немало гражданского мужества произнести истину вслух. Балашов не убоился. Вот тому пример.

В 1960 году А. М. Астахова была ответственным редактором «Инструкции по собиранию произведений устно-поэтического народного творчества».

Фольклорный фестиваль, п. Умба

В разделе «Методика собирательской работы» читаем: *«Особенно тщательно следует разыскивать и отмечать все ростки нового в фольклоре, — изучать местную клубную самодеятельность и место фольклора в ней, репертуар самодеятельных хоров, обследовать стенгазеты, собирать сведения о местных поэтах и композиторах и записывать созданные ими песни...»*. Балашов же в своём пособии пишет: *«Наоборот, с большим разбором надо собирать новые, неустоявшиеся явления словесной культуры, ибо только то значительно и хорошо по-настоящему, что прошло проверку временем, доказало свою абсолютную художественную ценность»*. Различие позиций очевидно. Но это не всё: Балашов уготовил современникам откровение, разоблачающее суть губительной для народов России идеологии в области культуры (добро тебе внимания, уважаемый читатель): *«В послевоенное время фольклористику поразила еще и новая беда, возможно, связанная с предыдущим увлечением теоретиков моментами личного "авторского" начала в фольклорном творчестве, вследствие чего черты общего, коллективного, были как бы позабыты; фольклор начали смешивать с клубной любительской самодеятельностью. Начались усиленные попытки найти такое определение фольклора, под которое можно было бы подвести и старый классический фольклор, и новую самодеятельность»*.

Беда эта со временем не умалилась. Напротив, обременела лукавством, цинизмом и продажностью. Что же произошло?

Начнём с того, что Балашов своими высказанными вслух мыслями о подмене в масштабах страны подлинного фольклора сценической самодеятельностью способствовал возникновению в конце 1970-х годов

совершенно необычных для города певческих хоров, иначе, фольклорных ансамблей. Первым из них в России был ансамбль, руководимый Д. В. Покровским. Группа талантливых музыкантов сначала «поняла», то есть на слух переняла от селян древние обрядовые песни. Затем показала всем, что именно из таких, не повреждённых композиторскими обработками песен выстраиваются классические вершины русского мелоса. Соотечественники были потрясены. Впечатление от подобных коллективов ещё более усилилось тогда, когда неподдельные народные песни стали петь в соответствующих сшитых по традиционному покрою одеждах. А таковые явно отличались от изобретенных в ателье и узаконенных до того на сцене бутафорских, приторно ярких, мещански безвкусных, всегда оскорбительно распоясанных и лживо выдаваемых за народные костюмов. В адрес участников необыкновенности фольклорных коллективов со слезами благодарности говорилось: «Вы поете так, как в нашем детстве пели в деревне». А за пределами России, например, в Литве, можно было услышать: «Вас мы любим, потому что вы действительно русские. А вообще за что русских уважать, если они сами себя не уважают?».

Казалось бы, открылась дверь к родному очагу, входи, не бойся, тем более, что в начале «демократических» 1990-х «сверху» распорядились восстанавливать фольклор. По городам и весям чиновники «от культуры» содрогнулись, оцепенели. И было отчего: поменять мировоззрение, заново учиться выращивать собственный хлеб, шить самостоятельно портки, следовать национальным ремесленным, строительным, праздничным традициям? — Да для того ли целый век эти традиции искореняли? Нет! Наше место в глоба-

лизме, где, как и в интернационализме, не надо быть русскими. А хочешь быть русским — будь им по паспорту или, как модно нынче, будь им «в душе», на худой конец, займи себя в рядах «патриотов» со свастикой типа баркашовцев, скинхедов, впрочем — ах, да! — мы это «запрещаем», ну, словом, пустозвонь о себе, что ты русский, любым способом, только не цепляйся к прошлому: зачем нам, «русским», возрождать то, что давно уже умерло?

И оцепенение рулевых «культуры», а к сожалению, и не только их, вскоре прошло: фольклор? — ну так, пожалуйста. Из самодеятельных клубных, так называемых народных хоров один за другим стали вылупляться коллективы с вывеской «фольклорный». Под лозунгом «Доллар всему голова!» ансамбли-челноки с «андреевскими» балалайками наперевес снуют за кордон, чтобы всех там развесивших уши потчевать «нашим, исконным». Среди таковых есть коллективы и «посмышлёнее». Эти одеваются — попробуй их упрекни! — в настоящие, вывезенные из деревень (этнографические) порты, рубахи, понёвы, сарафаны, передники, кички, кокошники, борушки, сороки, девичьи повязки, свадебные коруны, сапоги, полусапожки, туфли, штиблеты, пояса, как плоские, так и круглые, узкие и широкие, с невообразимо красивыми бранями узорами, кистями, бубенцами, узолоченные, усе-ребрённые и т. д. Но при этом поют они сценически, как научили их, например, в Институте культуры им. Н. К. Крупской, то есть во многом на манер всё того же самодеятельного хора. Иначе-де не угодишь публике. Иначе не заплатят. Иначе от столичного жюри не получишь первенства на конкурсе. Ибо министерские специалисты сели на старого своего конька: продолжают мыслить категориями авторского сценического творчества, и потому в народной традиции они не отличают, например, мужскую пляску от женской. Потому маститые певцы, издавна витающие в высотах самодеятельного творчества, искренне, с патристическим пафосом и без тени смущения — как Людмила Зыкина под занавес празднования 1145-летия Новгорода — во всеуслышание способны заявить: «А теперь мы поедем по новгородским сёлам и деревням. Мы понесём культуру в народ!». О, бедная страна! Твои чада не ведают, что творят.

А житель северной столицы Д. М. Балашов, блестяще знавший мировую поэзию, читавший наизусть поэмы античных авторов, вдруг в глухих российских окраинах открывал для себя всё новые перлы национальной, а значит и общечеловеческой, певческой культуры. При этом говорил: «*Нам у этих старух всему учиться, даже тому, как сидеть за столом, как держать руки, как слушать, как незаметно помогать гостю освоиться в доме. Нам учиться терпимости в спорах, ненавязчивости, нам гуманизму, любви к чело-*

веку учиться у этих старух. Нам и работать у них учиться!» [1]. Балашов, восхищённый величием поэтического опыта, воссиявшего над Русью и столь присущего нашей сельской цивилизации, пришёл к твёрдому и единственно верному убеждению: «*Именно фольклор <...> создаёт национальную основу страны.*»

И сегодня бы он вновь и вновь всеми жанрами своего писательского и ораторского труда указывал бы на главную причину, по которой необъятная Россия превращена в пепелище «бесперспективных» селений, и почему народ, извечно стелившийся ковром по кормилице-земле, оказался согнан в кучу и заперт в «удобствах» городов-небоскрёбов, и почему исторически и культурно заповедные наши земли оказались под слоем тины водохранилищ или в зоне атомно-радиационной безысходности, и почему для славянского мира вдруг стало «нормальным» обратиться в калейдоскоп этнических обломков, и почему центральные средства массовой информации смакуют факт ускоряющегося процесса вымирания русского населения. Отсюда объяснимо то, почему настоящие народные традиции — все, но в частности песенные — искореняются из живой жизни, обвешиваются музейными ярлыками и «совершенствуются» и «оттачиваются», пока не превратятся в хлам показного самовыражения, коим только и привлечь свободного, то есть освободившегося от родной культуры, туриста. Наконец, в сознании всё более утверждается мысль: народ жив, пока защищен древней песнью предков. Отступившийся от нее — будет побежден песней чужеродной.

И Балашов, почетный гражданин Великого Новгорода, стучась, выламывая дверь в наше «сегодня», уже из сонма великих предков молвит: «Вы только вслушайтесь!». А мы всё ещё размышляем: зачем-то Балашову был нужен фольклор? Он был ему нужен, чтобы он стал нужным для нас!

Послесловие. Обо всём этом можно было бы поведать убедительным слогом самого Дмитрия Михайловича, выписав из его работ готовые научно отшлифованные и одновременно граждански ясные, по-деревенски немудрёные выводы. Но мы, едва прикоснувшись к одной из ранних его работ, сознательно не листаем других. Пусть они, собранные воедино, превратятся для наших сограждан в любимую настольную книгу об Отечестве, родимом крае и обо всей планете Земля, от Бога украшенной жилищами, одеждой и песнями самых разных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. М. Балашов. Устарел ли Гомер? // Художественные традиции в русской литературе. — Тверь, 2003. — С. 6.